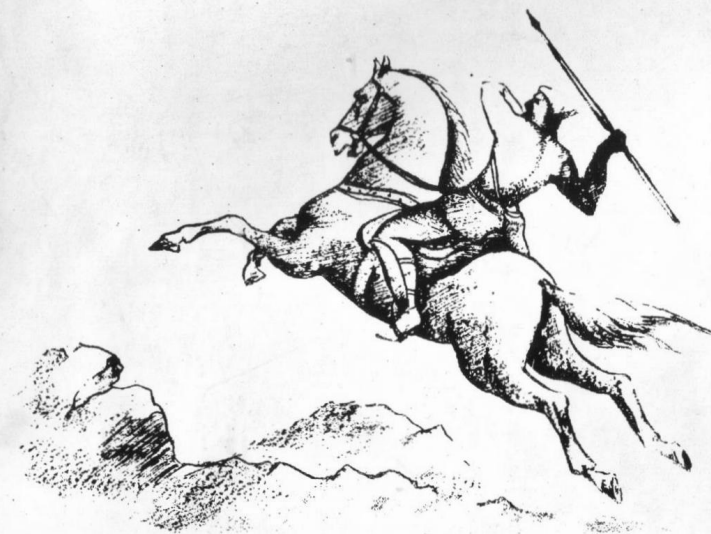

Юрий Лакербай

**НАД ЗАРЕВЫМ
ХОЛМОМ**

КНИГА СТИХОВ

г. Москва
1995 год

Юрий Лакербай

**НАД ЗАРЕВЫМ
ХОЛМОМ**

КНИГА СТИХОВ

г. Москва
1995 год

5.12.95.
Ю. Лакербай

Юрий Астамурович Лакербай родился 24 июня 1934 года в городе Иваново.

Детство и юность прошли в Абхазии на родине отца.

Учась в Минском институте физкультуры стал мастером спорта по фехтованию и чемпионом Спартакиады народов БССР.

В 1962 году Государственное издательство БССР выпустило первый сборник стихов, после чего Ю.Лакербай был принят в Союз писателей СССР.

1967 году закончил Высшие курсы сценаристов и режиссеров при Госкино СССР.

По его сценариям поставлено пять художественных фильмов.

Юрий Лакербай - известный поэт, кинодраматург, сценарист.

"Над заревым холмом" - восьмая книга стихов.

Живет в городе Дмитрове Московской области.

Автор выражает глубокую благодарность Международной Ассоциации абхазо-абазинского (абаза) народа за помощь в издании книги.

Лакербай Ю.А., Книга стихов
Тираж 1000, заказ № 24/15
Отп. тип. ООО "Агент"
Москва, ш.Энтузиастов 31-Б, 176-2420

Археологический мотив

Звучней нездешняя струна,
Нездешний слаще мед.
Однажды горная луна
В пустынный дом войдет.
Увидит стынувший очаг,
Свисающую цепь ...
Не в силах сызнова начать,
Уйдет по гребню в степь.
Найдя разрыв в конце холмов,
Придет саперный взвод,
В страну покинутых домов,
Глухонемых сирот.
В подвалах змеи видят сны,
Из крыш растет трава.
Ни наводнения ни вины, -
Так где ж хозяева?
Молчит гранитная плита,
Язык забытый нем.
И будут умники гадать -
Кто жил?
Когда?
Зачем?..
Архив земли, какой в нем прок,
Коль нет души живой?
Да буду я плохой пророк!
Да будет дом жилой!

Антимир

Случалось, попадал я в ад.
Проста его основа:
Лишь сатанинский дубликат
Концлагеря земного.

А рай, хоть в нем я не бывал,
По мнению пришедших
Всего лишь божий филиал
Приюта сумашедших.

Есть антимир еще. Проник
В него однажды Будда.
Вернувшись, проглотил язык.
Замятовал будто ...

Ты не молчи! – кричал народ –
Мы знать хотим подробно,
Хорош ли там законов свод,
Земля там плодородна?

Богат иль нищ, велик иль мал
Тот мир с приставкой "анти"?
Но Будда лишь глаза поднял –
И ужас был во взгляде ...

Бомбометанье

Я вновь бегу по лезвиям стекла,
Я обгоняю стариков и женщин.
Тень от крыла перрон пересекла,
Вокзальный купол бомбой изувечен.
Я вновь ищу спасительный подвал.
Еще вчера я презирал подвалы,
Еще вчера я в облаках витал
И птицей уходил за перевалы.
Мне восемь лет, сдавил мне горло бег,
Боюсь упасть, не добежав до зданья,
А надо мной вольготно, без помех
Прицельное идет бомбометанье!
Бомбометанье –
 навзничь тополя!
Бомбометанье –
 и все кровли вскрыты!
Бомбометанье –
 вспорота Земля!
Бомбометанье –
 сорвана с орбиты!..
Минуло детство, юность унесло,
Но в памяти записано, хранимо:
Бомбометанье – так зовется зло,
Когда оно уже непоправимо!

Без корней

Осколок глины обожженной
Поберегу...
Легат¹ поставил град опорный
На берегу.

Чужом ему, а мне родимом
Без громких фраз,
Поскольку был легат из Рима,
А я абазг.

Осколок глины розоватой –
Водопровод.
Вода лилась с горы горбатой
Легату в рот.

Дары, случалось, подносили
Вожди племен,
Но никогда в покорность сильных
Не верил он.

Мрачнел, валы сооружая,
День ото дня:
Мерещелась стрела чужая –
Моя родня.

¹ Л е г а т – помощник военачальника
в Древнем Риме.

Стрелы с нагорий острый росчерк,
Рассветный бой.

А рядом, за сосновой рощей,
Ревел прибой.

И корабли походкой скорой
Вернулись в Рим.

И Питиус, сосновый город,
Исчез, как дым...

Был городок других получше,
Но без корней.

Полукольцо холмов колючих,
Гнездовье змей...

Вдова

«Вдова на кремнистом склоне жила,
Дымом очажным дышала...»¹
А голова у тебя тяжела –
Руками едва удержала!
По кособору пустынна тропа,
Оттуда – ни пеший, ни конный...
Ломала ты зеленый табак
Рукой узловатой и сонной.
В плетеной корзинке таскала чай,
От пота и зноя слеpla.
Ночью, бросая хворост в очаг,
Пела...

А песня нелепа.

Проклятая песня!

Как дикий инжир,

Полна она едкого сока.

Мужа в плену расстрелял конвоир,

А сын убит под Моздоком.

Я мог бы найти веселее слова

У пашни,

птиц

и рассвета,

Но в дыме очажном твоя голова –

Забятая планета!

¹ Слова народной песни.

Сны о тебе

Я вижу сны о тебе
Длинней ястребиных падений, –
Хоть бубенцы одень им,
Не потеряй средь степей!
Я вижу сны о тебе
Белей,
 чем твое покрывало,
Острей,
 чем полоска кинжала
В древней и смутной резьбе.
Я вижу сны о тебе
Рыбацких причалов проще,
Светлей эвкалиптовой рощи...
И возвращаюсь к себе!
И становлюсь собой:
Морем,
 небом
 и нивой,
И снова,
 где бы я ни был,
Я под счастливой звездой!

Воспоминание о Лорке

Круча над Калдахварой
Темнеет, ветра сзывая.
С покатою крыши амбара
Льет вода дождевая.
На сердце нынче грустно,
Не потому, что осень,
Не потому, что груз свой
Мне до гроба не сбросить...
Какая долгая нота
У крестьянской свирели!..
Все кажется: у кого-то
Душа моя на прицеле!
...Над деревушкой старой
Шумела вода дождевая,
В зеленый ручей под аркой
След кровавый смывая.
В лицо был последний выстрел!-
Чем-то прикрыть бы надо...
Зависть рукой фалангиста
Счет свела под Гренадой,
Зависть, что выла волком,
Подачки прося у бога!..
Убитого звали Лорка.
У зависти прозвищ много
И разных масок – без счета,
Чтобы не разглядели...
Какая долгая нота
У крестьянской свирели!
И круча над Калдахварой
Темнеет, ветра сзывая.
«Похороните с гитарой...» –
Шумит вода дождевая.

Голубое озеро

Есть на Бзыпъ поворот знаменитый.
Сердцем ты стереги поворот.
Там вплелись корневища самшита
В белый камень Юпшарских ворот.

Там есть озеро – голубое
В обрамленье зеленых вершин.
Эту воду возьми ты с собою,
Как вино, – запечатай кувшин.

Будешь помнить о горной дороге,
Будешь вечно стремиться сюда.
Если были когда-нибудь боги, –
Это их питьевая вода.

Письмо домой

Эй, кто-нибудь из дома моего,
Сойди к причалу!..
Туман
Тяжелый
Тащится,
Как вол.
Вода – как в чанах,
В которой мыли грязную фасоль,
Но спуск недолог
Туда, где ветер окунул в рассол
Растений ворох...
Мне не щекочет ноздри странствий дым
Тоска конкретна:
А вдруг там лодку с именем моим
Сорвало ветром?
Не уследить мне за две тыщи верст,
Тебе – попроще.
У нас здесь ясень прямо в площадь
вмерз,
Удрав из рощи.
Он о себе не помнит ничего –
И этим славен...
Эй, кто-нибудь из дома моего,
Прочны ли сваи?
Певуч ли сосен черный частокол,
Светлы ли глыбы?
Баркас соседский также далеко
Уводят рыбы?
Идет ли к морю девочка одна
Свиданья ради?
В замшелых бочках хватит ли вина
Для поздних свадеб?

Гладиолус

По латыни – прекрасная речь! –
Острый меч – “гладиолус”.
Все метафоры надо бы сжечь:
Правды в них ни на волос.

Чем похож долговязый цветок,
Формой листика, что ли,
На короткий разящий клинок
Гладиаторской воли?

Как бы это понравилось им,
На столбах вдоль дороги?..
Но о чем я! У нас ведь не Рим,
Наши нравы не строги...

Так иной – достоинством в грош –
Надрывает свой голос,
На былых страстотерпцев похож,
Как на меч гладиолус!

Доверчивость

Я думал,
если люди предадут,
Останется вино в подвале темном,
И эвкалипта голая огромность,
И серых птиц
загадочный маршрут.
Я думал,
если женщина уйдет,
Останется в ущелье ветер свежий,
Подернутое снегом побережье
И серых птиц
медлительный полет.
...Себе оставил птиц под снегопадом,
И светлый ствол, и стынущий причал.
Все есть, казалось.
Ничего не надо.
Но звал я громко тех,
кто предавал!

Детоубийца

Пушка, автобус, конь...
Игрушки красивые.
Ты игрушки не тронь -
В них притаились взрывы!
Хотел бы я знать,
Как спит,
На какой анестезирующей подушке
Тот,
Кто мины творит
В форме игрушки.
Какие он вина пьет,
Какие вкушает блюда
Затейник искусный
Тот,
Мне незнакомый покуда.
Мы с планеты одной,
Что особенно грустно.
Родиться б ему змеей,
Родиться бы мне
Мангустом!
Мы с планеты одной,
С этим трудно смириться...
Где же он,
Кровник мой?
Детоубийца!

Диалог

– Куда ты,
Сердце?

– Туда, где ручей –
Детских ночей бессоница.
В нем загорается сто свечей
И птица звонкая водится.

– Куда ты,
Сердце?

– Туда, где дом
Гнездом соколиным кажется.
Там принимали меня со щитом –
И на щите – не откажутся!..

– Куда ты,
Сердце?

– Туда, где гора
Покрылась рыжей попоною.
Созрели каштаны – и мне пора
В рощу мою наклонную!

Я в те ущелья, на те поля,
Где все мои клады-россыпи...

– Послушай,
Сердце,

А как же я?
– Куда ж без тебя, я, господи!..

Заклинание от укуса змеи

– Мама, уходит сила!
Не зарядить ружья...
У Рыжей воды укусила
Маленькая змея.
– Знаю наговор я!
У рыжего человека
Рыжие сапоги,
У рыжего человека
Рыжие кулаки.
Бежал по дороге рыжей,
Бродил среди рыжих скал,
Рыжие травы выжег,
Рыжую палку взял,
Взмахнул над змеёй обманной –
Отбросил ее далеко...
Теперь подую на рану,
Тихо подую на рану...
Вот и стало легко!

Шторм у берегов Пицунды

О чем ты, ветер, так грозно?

—О голом,

как нож,

причале...

В море бродят пицундские сосны.

Что-то они потеряли.

Что-то ищут упорно,

Мокры и молчаливы.

Словно скакун на корде—

Крутая волна залива.

...Утром над горным проломом

Висело красное солнце

И за море плыли тучи...

В небе,

сером и сонном,

Светло открылись колодцы

И заострились кручи.

Ветер не бил в висок,

Ветер охрип и обезголосел.

На вязкий ржавый песок

Вернулись полсотни сосен,

Черных,

как поминальный платок.

...Так начиналась осень.

Земля Антуана

Если есть там, в космосе, кто-то,

Чудо только одно сотвори:

Обеспечь безопасность полета

Антуану Экзюпери!

Отведи от него астероид,

Не сожги ненароком в луче.

Пусть он новую Землю откроет,

А на ней и сосна, и ручей.

А на ней хороводы, как в Жмуди,

И цветы Елисейских полей,

И такие же добрые люди,

Разве только чуть-чуть добрей,

Да заветы умерших живучей,

Да живущих дела веселей...

В остальном те же низкие тучи,

Те же острые кручи над ней,

То же утро с пицундским органом,

Тот же вечер с любимой вдвоем

На далекой земле Антуана

В черной бездне за Млечным Путем!

Поездка на Фудзи

Глаз не оторвать от Фудзиямы!
А продюсер, господин Ямото,
Говорит, что кратерная яма –
Это свалка, кладбище отходов.

Отовсюду виден белый конус,
Яму видно только с вертолета.
У Ямото голова – как глобус
И в глазах унылая забота.

Он вздыхает: остров мал и тесен,
Пестрый лоскуток среди океана.
Помещаем свалку в поднебесье,
Льем помои в горло великана.

И вулкан вернет по назначенью
В час урочный грязные отбросы!..

Я смотрю на белое свеченье
И молчу.
Не задаю вопросов.

Богомазы

Пили крепкое вино
До второй зари...
Лица девок из корчмы –
Да на алтари!

Охра,
прозелень
и чернь –

Дивные цвета.
Пелагея из корчмы
Чем не мать Христа!

...Успокоились навек
Вне резных оград
Богомазы – мастера.
Ни имен, ни дат!

Реставратор,
зол,
как черт,

Сводит слой с холста,
Обнажая светлый лик
Матери Христа.

И встает над ними день,
Душу веселя:

Охра,
Прозелень
И чернь!..

Лучь.

Трава.
Земля.

Интервью

- Так чем же были для тебя каштаны?
- Рассветной песней над лошадкой смуглой,
Мечтой ребенка, брошенной на угли
Из черной сумки, влажной от тумана.
- Так чем же стали для тебя каштаны?
- Рассветной песней над лошадкой смуглой.
- Так чем же будут для тебя каштаны?
- Мечтой ребенка, брошенной на угли.
- Послушай, парень!

Смысл ответов темен.

Ты, как пловец, который ищет брода.
Ты, как жилец, который бродит в доме,
А дом по доскам с молотка распродан...
- Ну, хорошо... Есть правдв подороже:
Широкий нож со светлой рукояткой!
С лесничим мы играть не стали в
прятки,
Но он об этом рассказать не может.
А женщина ушла из балагана
К ленивым речкам, к перекресткам –
сводням...
Глаза – каштаны, волосы – каштаны.
Но мне на это наплевать сегодня!

Исповедь убыха¹

Забывают мои одежды,
И оружие мое, и речь.
Только имя осталось прежним.
Для чего мне имя беречь?
Узнаю я гнездо орлицы,
Понимаю шелест змеи.
А вокруг все чужие лица –
Ни очага, ни семьи!
Кто – от яда,
Кто – предан, продан,
Кто под гребнем крутой волны...
Переверали дела и годы
Летописцы со стороны.
Перевалы – в алмазном сверке,
Но бесстрастны они, глухи.
И, названья их исковеркав,
Сочиняют теперь стихи.
Снег весной, как вино, забродит.
Оглушительен крик реки:
- Посмотри!
Земляки уходят.
Туго стянуты башлыки,
И бредут они тихо – тихо,
И вода пожирает след...
Ни нашествия и ни ига.
Есть земля.
А народа нет!

¹ Убыхи – племя, исчезнувшее в конце прошлого века.

Состязание

Вот дорога!
Подъем,
поворот...
Наша "Волга" шуршит по гудрону.
Жеребенок
рванулся
вперед
И по краю дороги – к Афону!

Состязание нам предложив,
Он копытами цокает звонко...
Придержи, шофер, придержи, –
Я хочу проиграть жеребенку.

Ради тихой абхазской струны,
Ради славных имен на кинжале,
Ради прошлого этой страны,
Где всегда
лошадей
уважали!

История с Хаджаратом

Сначала от него ушла жена
Тропинкой к морю в пору снегопада...
Решили люди: не его вина,
И даже пожалели Хаджарата!

Затем ушел его любимый сын,
С собою прихватив меньшого брата,
Но из соседей разве лишь один
Косо посмотрел на Хаджарата.

Когда же от него ушел и пес
Тропинкой в горы в пору листопада,
Соседи призадумались всерьез –
Не крутоват ли нрав у Хаджарата?

Когда же Хаджарат поджег свой дом,
А заодно и лозы винограда,
Сошлись соседи в мнении одном,
Что черт вселился в душу Хаджарата!

Когда же Хаджарат погиб в горах,
Закрыв дорогу для врагов заклятых,
Село решило, что пришла пора
Просить у бога рай для Хаджарата!

Бог возражал: оставила жена,
И сыновья ушли и пес лохматый,
И дом спалил он – сдуру ли, спьяна! –
И погубил он лозы винограда.

И черту душу отдал он притом, –
Ну как не пребывать ему среди ада?..
Но все село стояло на своем:
Мы в ад пойдём,
Но рай – для Хаджарата!

Земледелец

Вот на этом крутом косогоре,
На оплеванном, вдовьем
Ты мальчишкой стоял на разоре,
Но не бросил гнездовья,
В одиночку жильё поднимая,
Лозы – калеки...
Свято место и пустошь немая,
Был бы зодчий и лекарь!
Был бы ты, земледелец Георгий,
Среди дряни и гнили!
...Укатали кремнистые горки,
Небеса опалили.
Ты проходишь полем родимым,
Рощей наклонной –
Будто это отец твой Владимир,
По навету казненный.
И походкой, и взглядом, и жестом
Друг на друга похожи,
Только он из страны неизвестной
И гораздо моложе...

Картина Нестерова

Увижу вновь – и снова онемею!
Вот все, пожалуй, чем едины мы:
“Виденье отроку Варфоломею” –
Родной земли осенние холмы.

Потом возникнет Троицкая лавра,
И на Мамаю соберется рать...
На всех скрижалях буквою заглавной –
Холмов осенних грусть и благодать.

Опора наша, наше озаренье,
Спасенье от тюрьмы и от сумы,
Мальчишке ясноглазому виденье –
Родной земли осенние холмы.

Лучом закатным позвонят в лозину,
Дохнут теплом в преддверии зимы –
И перейдут без завещанья к сыну
В рябой траве пологие холмы.

Камни абхазского поля

Стынут на Геге и Рице
Камни,
Дождями промыты.
Древние черные лица
Шрамами густо покрыты.

Камни!
Вы знали так много –
И ничего не сказали!
Слишком ревниво и строго
Прошлое вы охраняли.

Старые, старые боли
В землю глубоко зарыты.
Камни абхазского поля!
Вы
Как надгробные плиты.

Старый Званба пустился в пляс

Старый Званба отару пас
В котловине зеленых гор.
С неба ястреба рыжий глаз
На отару смотрел в упор.

На вершинах сверкает лед,
Далеко вокруг ни души.
И Нико в обожженный рот
Опрокинул желтый кувшин.

Выпил весело до конца,
Поглядел на сосуд Нико –
Грянул оземь кувшин в сердцах –
Черепки летят далеко!

Серый ястреб рванулся ввысь,
Зашатался зеленый вяз,
Водопад загремел –
Держись!
Старый Званба пустился в пляс!

Начал в полдень плясать абхаз,
Кончил – мылась в ручьях заря,
И качал головою вяз,
За лезгинку благодаря...

Топал Званба к жене домой
По ручьям сокращая путь.
И бараны брели гурьбой,
Пританцовывая чуть – чуть.

Куда не глянь – кругом бедлам,
Кругом разор и смрад.
А бабы молятся на храм,
Как тыщу лет назад.

Неспешно молятся на храм
И в наши времена,
Когда рядится в Сима Хам
И в Бога – Сатана!

Изгой

Под снегопадом и зноем,
Голод и смерть поправ,
Рыщет в лесах изгоем
Полоцкий князь Всеслав.
Шальна у изгоя слава,
Да отобрать нельзя!
Боялись князя Всеслава
Киевские князья.
В смутных летах, в горячих,
Деля отцовский надел,
Они кроили, как лучше,
А он кроил,
Как хотел!
От колдовства зачатый,
С язвиною на лбу,
Берложным богам косматым
Вручал он свою судьбу.
Не знаю, то явь иль сказка,
Но шла по Руси молва:
Тронет Всеслав повязку –
И ядом брызнет трава!
Не знаю, то явь иль сказка,
Но только бывало так:
Тронет Всеслав повязку –
И он уже волколак!
Лови человека – зверя,
В болотах гнилых ищи,
А он уже у Ильмена –
И Новгород взял на щит!
Темна у изгоя слава,
Зла у него слеза...
И ныне душа Всеслава
Кричит в берложных лесах,
Соколом рвется в небо,
Змеей уползает в ил...

Вкусил я такого хлеба,
Такого меда вкусил.

Лунный окоп

Со мною весь мой гардероб,
Он влажен,
зеленоват.
Мой дом – этот лунный окоп,
Последний, как мне говорят.

Луна заостряет черты,
Луна проникает нам в мозг.
Неслышно и без суеты
Под кожу втирается воск.

Луна ни на чьей стороне:
Бесстрастно рисует в анфас
И тех, кто залег на стерне,
Чтоб утром подняться на нас.

Такая же матовость щек
И воском отглаженный лоб.
Послушаешь – живы еще,
Посмотришь – так просятся в гроб!

Какой идиот нибелунг
Увел их от жен и невест
Искать в моем лунном углу
Штык и березовый крест?

И то, и другое найдут
В схватке короткой и злой!..
Мой дом – этот лунный редут
Над русской речонкой
Сестрой.

Уважаю при жизни забытых
Терпеливых и мудрых людей.
Ведь не всем же ходить в знаменитых
По газонам хвalebных статей!

Популярность к ним в дом не стучится,
К ним стучатся друзья и долги.
Кто сказал, что бескрылые птицы?
Их полеты круты и долги.

Да они и не могут иначе
В самый хмурый из пасмурных дней
на одну неудачу богаче,
На одно поражение
Сильней!

Ночь после Бородинской битвы

На земле растерзанная нива,
Сапогами расчлененный колос,
А над нивой – желтое огниво,
Гренадером
Брошенное
В космос.

Даже камни слишком говорливы
По сравнению с мертвым бомбардиром.
Этой ночью – кто остались живы –
Уяснили смысл
Войны и мира!

Нотр-Дам и абхазский самшит

Нотр-Дам – королевский собор,
Повсеместно прославленный храм,
Далеко от самшитовых гор
Облака ты прошел,
Нотр-Дам.

Нотр-Дам и абхазский самшит,
Как-то странно ложатся слова...
В старых вырубках ветер шуршит,
На пустырь предъявляя права.

Побережьем отчизна красна,
Где второе такое найдешь!..
С побережья
Во все времена
Начинался и торг, и грабеж.

Вот реестр.
Полюбуйся каков!
Он веками спрессован и сшит.
Поставляли:
Египту – рабов,
Персам – женщин,
Французам – самшит.

На фелюгах кружило, несло,
Прибивало к чужим берегам...
Твой Христос на распятые резном –
Плоть от рощи моей,
Нотр-Дам!

Этой рощей прошел янычар,
Ятаганом губя и круша.
Но чтоб сизнова мог я начать,
У меня оставалась душа.

Погибал я, но душу берег,
И поднялся из пепла –
И жив!..
И над лентами верхних дорог
Зеленеет
Абхазский
Самшит!

Охота

...И начал я сеять пули
На две стороны перевала,
Когда уже снега ждали.
В турах,
 в стволах,
 в камнях,
В крутых ледяных завалах
Продолговатые зерна
Всходов не дали.
Пронзительным и просторным
Был лес,
 как возмездие дому.
В турах,
 в стволах,
 в камнях
Ожогом рыжели раны...
Мед замешав водою,
Небесным Стрельцом ведомый,
Я приходил в глухие
 пастушечьи балаганы.
И вспоминал все реже,
Что я из другого мира,
Где ранят шутя друг друга
И маются без причины...
Ребяческой безделушкой
Сверкало созвездие Лиры.
О нем у костра ни разу
Не говорили мужчины.
...Но что-то стряслось однажды,

В ущелье набилась плесень,
И поползли со склона
Усталые мокрые змеи...
И кто-то в золу промолвил:
Нам не хватает песен,
Похожих на плод граната
Или еще светлее!..
И стал перевальный гребень
Туманиться,
 опускаться,
И пуля в стволе уснула,
Забыв про тропу Оленью,
И выше Стрельца взметнулись
Антенны радиостанций
В огромном и тесном мире,
Тоскующем по обновленью!

Побег

Зарой и валуном накрой
И холм крутой насыпь!..
Я парень, меченный зарей,
Лучом ее косым.

Лозой багряной прорасту
Над чернотой немой,
По радуге, как по мосту,
Вернусь к себе домой -

В село Лакрипш, где рыжий скат
И высохший орех.
Скажу я брату: здравствуй, брат!
Я совершил побег.

И брат ответит: очень рад,
Что удался побег!
Давай обрежем виноград,
Пока не выпал снег...

**Памяти
друга детства**

Этой жизни и песни начало
Обнаженной крестьянских ножей.
...Стадо буйволов шло с перевала
Под кнутами осенних дождей.
Этой юности ранние росы,
Как пчелиные соты грузны.
...У девчонки тяжелые косы,
А у ружей заряды грозны.
Можно горькой судьбе покориться,
Можно скрыться от пуль за скалой,
Но любовь ослепленную птицей
На ловца летит по прямой!
Этой прерванной жизни мгновенье
Как застывший кусок янтаря.
...Вкруг тебя под ливнем осенним
Обвели мы три раза коня.
Алый мак – на смену обвалу,
Острый луч перерезал дожди.
...Буйволенок идет к перевалу,
У него еще все впереди!

Помню, был я виночерпием
На студенческом пиру.
В круг тот, юностью очерченный,
Вновь друзей не соберу.

Где вы, добрые и гордые?
Хоть окликну – не найду...
Только в юности, как горы,
мы

Друг у друга на виду!

Только в юности все – около!
До резных оград потом
Кто-то волком, кто-то соколом,
Кто-то пасмурным кротом...

Словно в сказке: были – не были,
Вот такая, брат, игра!
И другие виночерпии
Круг обходят на пирах.

Рента

Для судьбы не писан закон,
И без правил игра ведется.
В общей яме для бедняков
Был похоронен Моцарт.
Вена с ним простилась легко,
Мимоходом, как с листопадом, —
И не нужно пышных венков,
И на мрамор затрат не надо.
Зато памятник — будь здоров! —
Над могилою кредитора.
Золотое время ослов
Переждать в комнатुшках-норах,
Пережить, на судьбу не злясь,
Не предъявляя счета,
Если музыка — это страсть
И единственная работа,
Если он,
Вольфганг Амадей,
Опускаясь в ямищу эту,
Музыкантам грядущих дней
Завещал
Бессрочную
Ренту!

Поле Куликово

Триптих

1

Сердце — красная звонница,
Где твой главный — набатный?
Вся ордынская конница
Ждет меня у Непрядвы!
Вся Мамаева конница
На меже Куликова...
Сердце — красная заонница,
Что там звоны Ростова! —
Не поднимут упавшего,
Не поставят заслона.
Поле выбора нашего
Отгорожено Доном.
Над пожухлыми стеблями
Даже птица сникает.
Поле наше последнее,
Тишина — то какая!
Где там сила запасная,
Выручальная сила?
Сердце — звонница красная
До конца отзвонила!..

2

Один лишь шаг — и сброшены оковы,
И ты как мечник в стылых ковылях!..
У каждого есть поле Куликово,
Но трусость пишет сноски на полях,

Припев

Если ястреб в пору лова
Взмоет над скалой суровой,
А крыло больное тянет
К пропасти в гнилом тумане,
Если волк,
Распластав спину,
Ринется на поединок,
А змея ужалит в ногу,
Оборвав его дорогу,
Если парень сбит зарядом,
И друзья застыли рядом,
И верней, чем слой крахмала,
Кровь впиталась в покрывало, —
Эй, бинтуйте песней рану!

Атла псирири психвану!¹

...Если он в родном ауле
Погибает не от пули —
У пустынного порога
Он сгорает понемногу:
Ветра свист вдоль сучьев голых
Для него —
Как женский голос,
И кувшин его усадьбы
Сохнет по вину для свадьбы,
И ночами стынет ложе, —
Что утешит, кто поможет?

Эй, бинтуйте песней рану!

Атла псирири психвану!

¹ Непереводимый припев старинной Песни ранения.

По журавлиному крику
Траур в дубовых лесах.
Осени терпкую книгу
Заново надо писать —
Ладить примету к примете,
Чем откровенней, тем злей...
Целятся острые ветви
В серый конвой журавлей.
Щедрее любых обещаний,
Конкретней любых телеграмм
Дубовых лесов обнищанье —
Дорого платят ветрам!
Скарены сборщики дани
И ничего не скостят...
Я говорю: "До свиданья!" —
Я задержался в гостях.
По журавлиному крику
К югу нащупаю путь.
Осени терпкую книгу
Я допишу какнибудь!..
Честную книгу прощанья,
Нам не хватает такой!
Дубовых лесов обнищанье —
Плата за долгий постой...

Перекресток

Не виноват перед тобой.
Я отдаю тебе, как прежде,
Глухой костер левобережья
И нашу баржу под горой.

На этой барже в час ночной
Была ты веткой и звездой мне,
Но птицам холодно в гнездовьях
Над осторожною рекой.

Благодарю тебя за смех,
За все, что связано с тобою.
Давно иду другой тропой –
По руслу пересохших рек.

Но память горькая остра –
И повторится перекресток,
Где светлый ливень ходит
Хлестко
Вокруг погасшего костра!

Пихтовый родник

Псырцха – пихтовый родник,
Дар судьбы случайный –
Пядь земли и материк
Древний,
Изначальный.
Это – ворожба пихты
И воды круженье.
Горечь вечной красоты,
Сила притяженья.
Это-изгортани звук
У отца больного.
Нет надежнее порук,
Нет прощальной слова,
Как одна звезда в окне
С горизонтом вровень,
Как на белом полотне
Иероглиф крови.

Обратный путь беркута

Шумный табор – журавлиный клин,
Только вместе выживает стая.
Но ты беркут,
Ты летишь один,
Никого с небес ни окликаая.

Как далек он, родовой каньон,
От чужого взгорья в океане!
Да промажет чей-то “ремингтон”,
Чья-то сеть в полон да не заманит!..

Уходи за острую гряду,
Вольного полета исповедник,
Градус вправо,
Курс на Теберду,
В заповедник, беркут, в заповедник!

Ты земляк мой и старинный друг,
Новых заводить мне неохота.
Замыкая нисходящий круг,
Заходи в Домбайские ворота.

Красной книгой – скальные поля,
Золотым тиснением – каштаны.
Небесам нельзя без короля,
Королю – без егерской охраны!

Слава ярмарке!

Путь бессонницам закрою
Смехом ярмарок.
Перестану быть совою –
Здравствуй,
Жаворонок!
Здравствуй,
Бубенца осколок,
В небо брошенный!
Продается песен ворох,
Стоит дешево!
Продается конь буланный,
Нерисованный,
Чуть подернутый туманом,
Околдованный!
Продается ловчий ястреб,
Правда, старенький...
День из детства,
Давний праздник –
Слава
Ярмарке!

Неизвестному зодчему

Когда нам по сердцу игра,
То выпадает доля
Оставить людям белый храм
На вересковом поле,
Открытый солнцу и ветрам,
Не пойманный оградой.
Была бы по сердцу игра –
И прочих благ не надо!
Покуда не лежим в гробу,
Мы этим медом живы,
И все обиды на судьбу –
И суетны,
И лживы.
Не нам с тобой ее корить,
Не нам ее устроить...
С грядущим будем говорить,
Навечно будем строить!
Свобода тем и хороша,
Что далеко разводит, –
И одинокая душа
Свой белый храм возводит!..

Мне думалось: вот я дострою фразу –
И исцелюсь.
И боль из сердца – вон!..
Но если верный тон не найден сразу,
Он не найдется,
Этот верный тон!
И стану я бездомней, чем вначале,
В круговороте проводов и встреч,
И будут люди пожимать плечами,
Не разумея сбивчивую речь...

Журавль возвратный –
Долгих зорь глашатай –
Разбавит горечь, примирит с судьбой.
Рубец на сердце –
Вот и вся расплата
За вовремя не изгнанную боль.

Расстрел Мата Хари

Утешные слова, слова духовника,
Как слабоумных бред,
Горьки и непристойны.
Она встает к стене,
Стройна и высока.
Там, за стеной – Земля,
Там шпионаж и войны.
Вернее не сыскать тюремного стрелка:
Он с совестью в ладу,
Глаза его спокойны.

Но женщину убить –
Что погубить лозу,
Которая в промозглый дождь
Подарит
Нам заревую гроздь –
Янтарную слезу...
Пусть женщина зовется
Мата Хари,
Кто пил вино,
Тот в щедрую лозу
Зарядом смертоносным
Не ударит!

Тюрьмы французской
Комендантский взвод,
Ты выложил стену
Мозаикой пробоин,
Панно такое
Время не сотрет.

И никакая известь
Не отмоет!
Что медлишь ты?
Оружие – на взвод!
Очередная цель перед тобою.

Одиннадцать стрелков,
Но у кого же он?
В чей карабин попал
По воле офицера
Традиционный
Холостой
Патрон –
Бальзам для совести
И состраданья мера?
Звучит команда –
Залп произведен!..
И всплеск надежды:
“У меня, наверно!..”

Одиннадцать стрелков,
Ушедших в дождь и снег,
Одиннадцать святых –
Живи, терпи и веруй,
Что холостой патрон,
В душе убивший грех, –
Бальзам для совести
И состраданья мера,
Тот холостой патрон,
Единственный на всех,
В твой карабин, стрелок,
Был вложен офицером!

Обычай учит:

горсть земли
на память

Возьми с собой –
домой вернет она.

А у меня сегодня под ногами
Тугая,
злая,
мутная волна.

Обычай тоже терпит перемены:

В осенний шторм попав,
на корабле

Я наглotalся столько горькой пены,
Что буду вечно думать о земле!

Торжок

Осенний нудный дождь
Весь мир окрасит серым,
И лишь один Торжок не знает
Перемен:
Незыблемо хранит два цвета –
Желтый с белым –
Купеческих домов
И монастырских стен.

О вольный дух холмов
И колоколен ярус,
За эту красоту душа моя
Болят!
Хочу, чтоб никогда
Здесь не взревел “икарус”,
На улочках кривых не появился
Гид!

Хочу, чтобы никто
Не ограждал деревья,
Табличкой номерной не помечал
Мираж!..
Торжок тем и хорош,
Что, оставаясь древним,
Отбросил, словно кость,
Музейный камуфляж!

Кто жаждет – да придет!
А нет – так горя мало:
У гордой старины есть
Суздаль и Ростов.
Счастливого пути!
Торжок – не зазывала.
Он постоянный двор
Поэтов и дроздов!

Осень сорок второго

Мне восемь лет, я житель городской.
И никогда я не бывал здесь прежде:
Дом из каштана и густой орешник
За мокрую оградой жердевой.

Открою дверь и в старый дом войду.
Он своему хозяину не нужен,
Но нам, бездомным, он еще послужит,
И в очаге я искорку найду.

Раздую пламя, заслоню полон
От ветра ли, от воя ли шакала...
Село под Гудаутским перевалом
Всех скалолазов отрядило в бой!

На перевале каждый выступ – дот.
И высоко за ширмой свинцовой,
Где острый гребень льдами облицован,
Пропал навеки тот,
Кто упадет!..

Идет над нами горная война.
Я привыкаю к странности обряда:
Кладут в траву черкеску Азамата,
Вокруг нее проводят скакуна.

Болтаются пустые стремяна –
И женщина глядит осиротело.
В траве черкеска,
Где-то в скалах тело,
И гореч детства –
Горная война!..

Старый фруктовый сад

Старый фруктовый сад
Так сиротлив и черен!
Время настало,
брат, –
Надо рубить под корень!

Напрочь – каштан, гранат,
Яблоню по соседству...
Время настало, брат, –
Сталью по сердцу!

Были они – и нет.
Справим с вином поминки.
Знали бы мы секрет –
Сделали бы по скрипке!

На пустошь снега летят,
Над пустошью ветер дует.
А в скрипке цветет гранат,
А в скрипке каштан колдует!..

Памяти отца

Когда минует девять дней,
Душа уходит вглубь ветвей,
Ей странствия к лицу.
Когда минует сорок дней,
Отходят ткани от костей –
И больно мертвецу.

Сухое дерево над ним.
Под этим деревом сухим
Он погружен во тьму.
Давайте чудо сотворим,
Давайте боль заговорим,
Чтобы помочь ему.

Сухое дерево над ним.
Над этим деревом сухим
Меняет шкуру склон.
Давайте чудо сотворим,
Давайте распрю прекратим,
Пока страдает он.

Давайте верить: через год
Сухая слива зацветет
И выстрелит дроздом.
Растает отчужденья лед –
И мертвый близких соберет
Над заревым холмом!

Светляки

Светляковое войско
Обложило ущелье.
Освящения столько –
Хоть стреляй по мишени!
Бей в мерцающем свете
Самым верным зарядом –
Не оставишь отметин
В этих гулких громадах
Цвета старого воска,
Цвета лисьего меха...
Светляковое войско
Надвигается с верху.
Вдоль забытого русла –
Напоить его нечем –
Молчаливо и грузно
Поднимаюсь навстречу.
Сто галактик я стою,
Богу разумом равен...
Чтож случилось со мною?
Светляками я ранен!

Фамильное кладбище

Где тот дом, косогор охраняющий?
Да пригрезится родичам он!
В непогоду смотрящий (куда еще?)
На нераспаханный склон.
Где орех, над крыльцом нависающий
И гремящий зеленым ядром?
В год сиротства и горя (когда еще?)
Он соседским разбит топором.
Где тот двор, по возмездью тоскующий,
Постигающий Каина грех?
...Если так, только сыну (кому еще?)
Возродить и любовь и орех!
Из воды, из каменьев, из глины ли
Сотворить и чурек и вино...
Но увидеть те плиты могильные
Даже сыну уже не дано.
Им дожди проливные наскучили,
Надоел им гнилой снегопад.
Они порослью злой и колючею
За свое одиночество мстят.
Эту поросль огнем не потрогают,
Не прорубят ударом клинка.
Это – сразу за домом Георгия
И за пределом... стиха!

Танец с бурками

Покажи, не сочти за труд, –
Буду снова от счастья пьяным! –
Как над сценою вас несут
Бурки –
Черные дельтапланы!

Если тесно нам станет тут,
Мы найдем другие поляны:
По созвездьям нас понесут
Бурки –
Черные дельтапланы!

Если бубен возьмем в полет –
Круг серебряный громозвучный, –
Рот разинет привратник Петр
И собьются ангелы в кучу!

Если песню возьмем с собой,
Ту,
Что даже в камнях звучала, –
На пустынной звезде любой
Будет нашей земли
Начало!..

*

Лес нагорный, мой вещун и лекарь.
Вот и ты мне навеваешь грусть!
В должниках твоих хожу полвека,
Все долги отдать не соберусь...

Не печалься, мглистая чащоба,
В паутине рыжей по утру, –
Все твое верну – и кроме гроба
Ничего навек не заберу.

Реквием по ястребу

Я помню прощание с ним,
С другом моим острокрылым!
Небо казалось мне злым,
Луг мне казался постылым.
Ястреб три раза подряд
В тот день разминулся с добычей...
Изгнание – короткий обряд,
И я его помню отлично:
Кладутся в карман бубенцы,
Они пригодятся другому!
Лошадь берут под уздцы –
И направляются к дому.
Был каменистым карниз –
И лошадь устала до срока.
Задрал я голову ввысь –
Там ястреб стоял одиноко.
Распластан,
Он словно хотел
Крылья свои приморозить
К последней своей высоте
В последнюю осень!..

Сон

Я предал друзей и слепых обобрал.
Меня целым миром ловили...
Судьба к беглецу оказалась добра –
Я спрятался в иле.
В каком-то болоте за тихим сельцом,
Слыша враждебные крики,
Я в тухлую жижу ударил лицом –
И вылез безликим.
Мальчик сказал мне, что нету лица...
Решил я – появится позже
И выбрал в друзья одного молодца,
Безликого тоже.
Иметь двойника, коль стоишь на краю,
В любую погоду не вредно.
Мальчик сказал мне, что надо в петлю...
Он мыслил конкретно.
Хлебнул “изабеллы” я на посошок,
Запасся веревкою прочной.
...На нечто безликое валит снежок
В роще полночной.

—
С кошмарного сна и спрос небольшой,
И под рукой оправданье...
Но было же что-то и за душой,
Раз тянет на покаянье!

*

С опозданием на тысячу лет
Заглянул я на ваше подворье.
У меня здесь товарищей нет,
Сторонюсь и элиты и дворни.
Предпочту котлованов рытье,
Чем пойду с идиотским поклоном
К перевозчикам в небытие,
К литературным харонам.
Поглядишь – совершенный пигмей,
А как держится – будто на троне!
Хвалит строчки из книги твоей –
И хоронит,
Хоронит,
Хоронит...
Закружила река, понесла
И не будет возвратной дороги...
Впрочем я не желаю им зла.
На Руси жалели убогих.

Снег

Не долетевший до камней,
На лапах сосен отдыхает –
И воронье его ругает,
Кружась над вотчиной своей.

Принес он, дерзкий, неуют
Жиреющим сосновладельцам...
А дети памятник пришельцу
Из белых блоков создают!

Изображение на стеле

Изображение на стеле
Глазами зоркими прочти:
Журавль, копьё несущий в теле;
Пигмей, растерзанный почти...
Борьба пигмеев с журавлями –
Вот и такое было встарь...
Пигмей, держи покрепче знамя!
Журавль, всей силою ударь!
С какою яростью упорной
Велась тотальная война!
А ведь Земля была просторной,
Не то, что в наши времена.
Что поделить не захотели –
Какие роци и ручьи
Журавль, копьё несущий в теле,
Пигмей, растерзанный почти?
Могли бы жить, своим владея,
Межою разделив поля,
Но не сдержал господь пигмея,
Не образумил журавля!
...Журавль последний в небе кличет,
Пигмей последний смотрит вслед –
И мне из этой горькой притчи
В грядущее дороги нет.
Что слово? – отзвучит и канет,
А с ним и автор имярек...
Будь у меня резец и камень,
Резцом по камню – и на век!

Киото

Родной,
Он всегда один,
Будь то край или дом.
Заката крутой камин
Над пологим холмом,
Холодный, как лед, ручей
И могильник – орел.
Никто не спросит:
Ты чей
И как ты сюда забрел?
Чужой,
Он на вкус любой,
Как ночной карнавал.
Пока ты с ним, он с тобой.
Простился – как не бывал.
Загадочный Сад камней
И золоченый храм,
Вам не скучать по мне,
И кто я в сущности вам?
В лучшем случае – гость,
В худшем – изгой,
Пускай бы и в землю врос
Вот под этой стеной!

Не уходя...

Постой!
Ведь я не из железа,
Не уходи до той поры,
Когда все рукописи леса
Пойдут в прощальные костры.
Ты к пламени протянешь руки
Под тихий наговор дождя –
И я пойму,
Что мы в разлуке
И ты ушла...
Не уходя.

Происшествие

Слабоумного хоронили.
Просветленным лежал в гробу –
Избавленья от тирании,
На злословье табу.

Он русалку искал в канале
Из вчерашнего сна.
А в канале – предупреждали –
Валуны и вода черна...

Листопад с крестами

Над Дмитровом листопад,
Празднество крон обреченных.
Я нынче вам названный брат,
Все девять крестов золоченых!

Кто-то успел вознести
Вас над стеной крепостною,
Чтоб горькую душу спасти –
Не верю, так красотою!

Что мне делать с моей родословной? –
 От истоков до устья греховной,
 Сухостойной от корня до кроны
 Среди прочих вечнозеленых
 И гнилой от зерна до побега
 На скрижалях двадцатого века.

Что мне делать с моей родословной? –
 Как дырявая сеть неуловной,
 Для наградных анкет неудобной,
 Слишком древней и слишком подробной,
 Не бунтарской, не мессианской –
 Родословной церковно-дворянской.

Где алтарь мой и место под солнцем?
 После смерти Господь разберется...

Так и живем

Как тростиночка, вера и ту
 Рок надломил.
 “Трижды вокруг тебя обойду” –
 Голос могил.
 Это время повернуто вспять,
 Марш под уклон.
 Мародеров пещерная рать,
 Свара племен.
 Плебс пещерный, пещерный сенат
 С голым вождем.
 Каждый в глотку вцепиться бы рад –
 Так и живем.
 А утес над селеньем родным –
 Каменный волк.
 Острой мордой тычется в дым,
 Так одинок.
 Одинокому зверю дано
 Право на вой.
 В волчью шкуру влез бы давно –
 Нет таковой.
 Пеплом сердца, как было не раз,
 Рану присыпь...
 Хоть бы Спаса колокол спас,
 Волчья ты сыть!

После войны

Где теперь моих бзыбцев искать,
Чтобы древнюю песнь, как бывало,
По зеленым холмам расплескать –
От Пицунды до замка Инала?
На разоре мне видится сон
Что лежу замурованным в глыбе
И что мне до созвездья Весов
Ближе, чем до отмелей Бзыби.
Бесконечный негреющий свет,
Бесконечное зыбкое поле.
На ближайшую тысячу лет
Ни друзей дорогих, ни застолья,
Ни узора по руслу клинка,
Ни реки, что в ущелье змеится...
Где мне бзыбцев моих отыскать –
Ясноглазых и смуглолицых?..

Озарение

Исчезает заряд в земле,
Испепелится след.
Но в недрах зрачка, во мгле,
Еще остается свет.

Недолго, всего лишь миг,
Но весь мир озарен!
Это – для горемык
Всех племен и времен.

**Этюд
для Веры**

Ритмичен и звонок танец у Веры
В утренних кленах.
У Веры снежного цвета гетры
На ножках точеных.

Вера по желтым оврагам мчится,
Влетает в стылые броды.
Вера – гнедая моя кобылица
Терской породы.

Вера – царица лихого карьера
За призами в погоне
И не заметит последнего метра
Перед конвейером бойни!

Но мне не хотелось бы портить этюда
Для моей кареюкой.
За ипподромом утро безлюдно,
Клены взметнулись высоко.

Знают эти красавцы литые
Все наречья на свете,
Не ведают только мертвой латыни
Ветеринарных свидетельств!

Закрою глаза – и в утренних кленах
Вера кружится, кружится...
А за бетонной стеной ипподрома
Новая скачка вершится!

Дочери Ольге

Эта девочка русоволосая
Обитает в глухом городке.
С куклой Таней сурова, как взрослая,
С мирозданием – на коротке.
И с отвагою удивительной
Посреди замерзающих трав
Деревцо от вороньего митинга
Защищает, ручонки задрав,
И, победу нелегкую выстрадав,
Говорит с заботой смешной:
– Вот умру я – и снова я вырасту...
А потом что случится со мной? –
И глаза, что немного раскошены,
Призывают к ответу меня.
Я стою перед ней огорошенный,
Не ответивших раньше кляня!
Деревцо молодое колыхнется,
Торг крикливый ведет воронье...
А над всею планетою слышится –
И врывается в сердце мое
Недосказанной трепетной истиной,
Заблудившимся певчим дроздом:
– Вот умрем мы – и снова мы
вырастим!..
Что же с нами случится потом?

Я к худшему готов всегда,
И потому еще роднее
За домом синяя гряда
И маяка клинок над нею.

И смуглых спин янтарный пот,
И красный плод на ветке росной,
И пчел взыскательный обход
Своей усадьбы меденосной.

Кремнистый луг и мглистый лес,
Знакомым егерем хранимый, —
Земля людей, сказал Сент-Экс¹,
Я говорю — Земля любимой!

Земля, где женщина живет
Под щедрым знаком Водолея, —
И пью я горьковатый мед,
Пока судьбой владею!

¹ Сент-Экс — Антуан Экзюпери.

Метаморфозы

Птица,
Свей на кресте гнездо!
Был он ясенем у ручья.
Приходил он ночами в дом
И колыбель качал...

Из соломинок домик свей,
Прилепи его как-нибудь!..
Льется звездами
Водолей,
Блещет гнездами
Млечный Путь.

Все попутай.
Переиначь,
Золотая гортань дрозда!
Зачеркни
Поминальный плач —
Сделай дерево
Из креста!

На мне поставьте крест двойной,
Забудьте в добрый час.
Я отсечен от вас войной,
Невидимой – для вас.
Там санитаров след простыл,
Там и в затишье ад.
Снимает сонные посты
Призраков отряд.
Убьют и – тут же воскресив,
Ведут в окоп гнилой.
Там у ветров один мотив:
Изгой, изгой, изгой...
Там виноватых нет давно,
Но правота гнетет.
Там что ни день – Бородино
На тыщи лет вперед.
Там ядовитые ключи –
Парное молоко.
И греют руки у свечи,
Зажженной далеко.
Друзей ведут в тюрьму, как в храм,
Поют хвалу врагу.
Предпочитают ссылку там
Родному очагу.
Там все, чем с детства дорожил, –
Как дуло у виска.
Там даже у святых могил
И свара, и тоска.
И ворон – жирный мародер –
Дежурит у межи...
В какой земле такой разор?
В стране моей души.

Обмен

Часы с календарем
Меняю
На кукушку,
Откуковала – и закрыла счет...
Серебряный браслет –
На светлую речушку,
Удравшую в леса
Из торфяных болот.
Возможен вариант:
Кукушку и речушку,
Серебряный браслет,
Часы с календарем
Меняю
На одну победную пирушку
В честь моего коня,
Владел таким конем!
Меняю
Скакуна и звонкую пирушку,
Часы с календарем,
Браслет из серебра,
Скупой кукушкин счет
И светлую речушку
На то,
Что создал Бог
Из моего ребра!
На выяснение чувств
По поводу любому
На слезы без причин,
На праведную ложь,
На цвет раскосых глаз,
То близкий к голубому,
То пепельно – стальной,
Как амузгинский нож!..

Заступить бы!..

Нувориш, банкир, казнокрад
Со своим холуйским эскортом,
Новоявленный демократ –
От “Камю” оплывшая морда,
Впереди штурмовой отряд,
Вертких бесов когорта –
Ах, как славно в рожок трубят,
Ах, как держатся гордо!
Опрокинем Русь, говорят,
Окропим водицею мертвой...

Заступить бы дорогу, брат, –
“Поле чисто и место твердо!..”

Разрыв

Прощай!
Свое беру с собою:
Раздетый лес,
Крутой откос
И птиц,
С отвагою слепую
Уже рванувшихся из гнезд
За провода,
За частоколы
В туманы –
В разведенный мел...
Разъятый,
Совершенно голый
Тот мир,
Которым я владел –
От серой лужи на панели
И в луже тонущей звезды
До злого ястреба в ущелье
В плену прощальной высоты!

Опыт

Опыт приходит, не опоздав, –
Так будет во веки веков.
Опыт – сборный товарный состав,
Уродливый сын тупиков.

Опыт, он обезьяний бог,
седой имитатор и лгун.
Если ты сам ничего не смог,
Он кричит: – Помогу!..

Послушай, жизни своей геометр,
Счастья лоскутного ткач,
Не опытом зряч старина Гомер –
Сердцем горячим зряч!

Соло для одной струны

Вот соло для одной струны:
Из леса цвета меди,
Из детства – из такой страны,
Почти библейской тверди
Приходят меда ведуны:
Осенние медведи.

Всё тот же сон: пчелиный склон,
И ветер пахнет медом,
И шелест золотистых крон
Над потемневшим бродом –
Мир щедр и чист, хоть сотворен
Вчерне и мимоходом.

Когда я вышел на порог –
Тому назад лет сорок –
“Владей, малыш! – сказал мне Бог, –
Таким ведь не зазорно...”
Но я сберечь его не смог
От тихого разора.

Теперь – ни меты, ни следа!
И счет последний сводят
Со мною голая гряда,
Безлесье и безводье,
И одинокая звезда
На сером небосводе.

Но все еще приходят в сны
Из той библейской тверди
Моей печали ведуны,
Осенние медведи...
Вот соло для одной струны,
Совсем одной на свете!

Знак зверя

Три шестерки – бесовский набор,
Сеть паучья – гамак для двоих.
Карабах, Чернобыль – ор и мор,
Обернувшийся вечностью миг.
Спуск в подвал – и лязгнет затвор.
Воск свечи, пепел мыслей моих.

Голиаф опрокинут. Туше.
И Давид пирует с ворьем.
Редкость – идол из папье – маше,
Миллион деревянным рублем.
Холод морга в дому и в душе.
Лунный пастырь с дырявым ведром.

Может, я разъял этот мир,
В наркотическом сне не сберег?
Все в таможняx. И мой конвоир –
Нацгвардеец, храни его Бог!
Рай земной обещал командир,
Выводя за отчий порог.

Нацгвардеец, вчерашний жених,
Прежней верой уже не согрет.
Он на опыте личном постиг –
Пробиваем и бронезилет!
На кресте Спасителя лик.
Над крестом гранатовый цвет.

На заре ожидается град,
Беспощадный земной градобой.
Если скопом спускаемся в ад,
Для чего нам контроль и конвой?..
Лепестками прикроет гранат
То,
Что было мной и тобой!

Содержание

Археологический мотив	3
Антимир	4
Бомбометанье	5
Без корней	6
Вдова	8
Сны о тебе	9
Воспоминание о Лорке	10
Голубое озеро	11
Письмо домой	12
Гладиолус	13
Доверчивость	14
Детоубийца	15
Диалог	16
Заклинание от укуса змеи	17
Шторм у берегов Пицунды	18
Земля Антуана	19
Поездка на Фудзи	20
Богомазы	21
Интервью	22
Исповедь убыха	23
Состязание	24
История с Хаджаратом	25
Земледелец	26
Картина Нестерова	27
Никольские мастера	28
Когда-то давно	29
Камни абхазского поля	30
Старый Званба пустился в пляс	31
...Куда ни глянь - разор и смрад	32
Изгой	33
Лунный окоп	34
...Уважаю при жизни забытых	35
Ночь после Бородинской битвы	36
Нотр-Дам и абхазский самшит	37
Охота	39
Побег	41
Памяти друга детства	42
...Помню, я был виночерпием	43
Рента	44
Поле Куликово	45
Праздник лета	47
Припев	48

...По журавлиному крику.....	49
Перекресток	50
Пихтовый родник	51
Обратный путь беркута.....	52
Слава ярмарке.....	53
Неизвестному зодчему	54
...Мне думалось: вот я дострою фразу	55
Расстрел Мата Хари.....	56
И никакая известь	57
Обычай учит	58
Торжок	59
Осень сорок второго	60
Старый фруктовый сад	61
Памяти отца	62
Светляки	62
Фамильное кладбище	64
Танец с бурками	65
Реквием по ястребу	67
Сон	68
...С опозданием на тысячу лет	69
Снег	70
Изображение на стеле.....	71
Киото	72
Не уходя.....	73
Происшествие	74
Листопад с крестами	75
...Что мне делать с моей родословной	76
Так и живем	77
После войны	78
Озарение	79
Этюд для Веры.....	80
...Эта девочка русоволосая	81
...Я к худшему готов всегда	82
Метаморфозы.....	83
...На мне поставьте крест двойной	84
Обмен	85
Заступить бы!	86
Разрыв.....	87
Опыт.....	88
Соло для одной струны.....	89
Знак зверя	90